

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
 К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Пионерская ПРАВДА

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 44-й / Пятница, 13 сентября 1968 г. / Цена 1 коп.
 № 73 [5240]

У НАС В ГОСТЯХ газета вьетнамских пионеров

«ЮНЫЙ АВАНГАРД»

«Юный авангард» — газета-боец. В траншеях, у зенитных лафетов, под огнём американских самолётов часто пишут свои корреспонденции её сотрудники. На груди многих из них можно увидеть боевые ордена. На днях нашим гостем был главный редактор пионерской газеты товарищ Во Ван Тхой. Его труд правительство ДРВ отменило орденом Соприятельства второй степени и орденом Труда третьей степени.

Мне часто приходится ездить по стране. Я вижу, как дети работают на полях, маскируют орудия, восстанавливают дороги. Но по-прежнему главным для них остаётся учение. В этом году занятия в школах начались позже. Неожиданно по стране прокатился тайфун с ливнями и грозами. Пришлось отложить книги и восстанавливать разрушенные водой траншеи возле каждого класса, возле каждой спортивной площадки, чтобы быстро укрыться от налёта американских самолётов. Сейчас всё позади. Траншеи вырыты, накрыты бамбуковыми настилами и землёй, и ребята уже взялись за учебники. Как бы ни было трудно, мы выстоим. Это уверенность комсомола — и взрослого, и юного. Мы не одни в своей борьбе. С нами всегда настоящие друзья — народы социалистических стран. Мы чувствуем и вашу поддержку, советские пионеры. Я привёз вам благодарность от вьетнамских детей за ваши подарки.

*Đời mình từng qua bao biến cố
 Sẽ mãi chiến đấu vì hòa bình
 Hết cả thiên tai bão táp
 Vẫn là con trẻ của Thủ Đức Việt Nam*

Bojny troj, Hap boja THTP Hiep nam
 10-9/1968
 Ho Van Thoai

Я хочу через редакцию «Пионерской правды» передать всем пионерам Советского Союза горячий привет и слова благодарности от пионеров Вьетнама.
 Главный редактор газеты «Юный авангард»
 Во Ван ТХОАЙ.

В гости к бойцам-зенитчикам пришли пионеры. Они принесли часовым неба горячий обед.

В СПИСКЕ работ, представленных на соискание премии Ленинского комсомола, мы прочитали фамилию С. А. Яковлева, одного из создателей новых самолётов. Сын известного авиаконструктора? Да, сын. Ничего удивительного. На одной шахте добывают уголь, отец и пять сыновей Ревенко, в одной клинике работают хирурги — отец и сын Виниевские. Славится страна династиями рабочих, учёных, артистов. Раньше слово «династия» применялось только по отношению к царскому роду. Специальность, образованность не царская корона, их не передашь по наследству. Сыновья добывают их своим трудом.

Наш корреспондент попросил Сергея Александровича Яковлева рассказать, как он выбрал свою профессию.

— Передо мной никогда не стоял вопрос: кем быть? — сказал Сергей Александрович. — С тех пор, как я себя помню, всё у меня было связано с авиацией: в доме — модели и фотографии самолётов, почти все друзья нашей семьи имели отношение к авиации. В юные тридцатые годы газеты писали о лётчице Кате Медниковой, поставившей мировой рекорд скорости на лёгком гидросамолёте. Екатерина Матвеевна — моя мама...

— Вы тоже могли бы стать лётчиком. Что привело вас на завод?

— Когда мне исполнилось пять лет, папа привёз меня в столярный цех завода и сказал, что здесь я буду теперь работать. В углу я увидел маленький верстачок. Я приходил на работу несколько раз в неделю и столярничал.

— Когда мне исполнилось пять лет, папа привёз меня в столярный цех завода и сказал, что здесь я буду теперь работать. В углу я увидел маленький верстачок. Я приходил на работу несколько раз в неделю и столярничал.

— Поминится, в Испании только что закончился чемпионат мира по высшему пилотажу. Вокруг счастливых, побывавших на чемпионате, собрались молодые конструкторы, инженеры. Обсуждали достоинства и недостатки современных

спортивных самолётов. Тогда-то мы, несколько молодых инженеров, и подумали: вот бы нам сконструировать свой самолёт! Стали оставаться по вечерам, спорили, чертили и рассматривали свою машину. И вдруг нам повезло: завод был предложено подготовить самолёт для приближающегося московского чемпионата. Работу поручили нам... Времени оставалось немного, и Александр Сергеевич (на работе отец для меня, как и для других, генеральный конструктор) предложил усовершенствовать уже существующий самолёт «ЯК-18П».

«Главное сейчас, говорил он нам, — это быстрота и надёжность». В течение двух месяцев были сделаны чертежи, ещё полгода — и первый «ЯК-18ПМ» стоял на взлётной полосе. Накануне чемпионата пилотаж краснокорых «Яков» получила путёвку в жизнь. А мы уже работали над новой машиной...

Поскольку мы заговорили о создании самолётов, нужно рассказать обо всей нашей молодёжной группе, где каждый выполняет свою задачу. Если, например, нужен сложный расчёт, никак не обойтись без Сергея Нунулова. Он у нас ведущий по «ЯК-18Т». А «хозяин» «ЯК-18ПМ» — партгор группы Вадим Пришкольник. Мы и сейчас продолжаем улучшать эту машину, ведь не за горами очередная чемпионат. Юра Янкевич — самый молодой из нас, но в обеих машинах заложено очень много его таланта, его души. А главная причина нашего успеха — дружба и, конечно, любвеобильность в самолёты.

А. ИВАХОВ.

СЫНОВЬЯ

Хозяева этой небольшой мастерской в джунглях не стоят в дозоре, не дежурят у зенитных установок. Но они тоже срываются. Шляпы, сплетённые их руками из рисовой соломы, хорошо защищают голову от осколков шариковых бомб.

Юный дозорный Хоа Ван Мин настолько серьёзен, может быть, заметил врага? На счету четырнадцатилетнего героя 79 уничтоженных нарцалетов.

Во время бомбёжки этому мальчику повредило ногу. Но он всё равно участвует. Целый год его носили в школу друзья.

Мы уже рассказывали о нём, девятилетнем поэте Коа из 3-го донга. Его песни написаны для пионеров, но их охотно поют и взрослые.

В редакции газеты «Правда», торжась за событиями, стучат телетайпы. Вот телеграммы из США, ФРГ, Израэля. Политические деятели этих стран не перестают говорить о Чехословакии. «Что теперь с ней будет?» — стараясь изобразить заботу на своём лице, спрашивают они. Послушать их — нет у чехословацкого народа более верных друзей, чем империалисты. Но возьмём другие сообщения, например, корреспондентов ТАСС из Чехословакии. Жизнь в стране налаживается. Спустились в забой и уже добыли сверхплановый уголь шахтёры, вернулись к станкам рабочие, заняли свои места в государственных учреждениях служащие.

ПУЛЬС ПЛАНЕТЫ

Союз — трубы для газопроводов, грузовики, тринотаж, обувь. Выходит, всё, о чём звонят империалисты, всего лишь выдумка, а заботы их — лицемерие. Что бы ни делали империалисты, главное для них — держать народы в страхе и напряжении. Для этого они всё время наращивают военную мощь. Народы многих стран осуждают Америку за войну во Вьетнаме. Но правительство США намерено продолжать войну. Не случайно на переговорах в Париже США тянут время. Уже состоялось 20 встреч, но переговоры так и не окончились. Уходит от решения главного — полного и безусловного прекращения бомбардировок и других агрессивных действий против ДРВ. Тем временем Пентагон посылает во Вьетнам новые воинские части. Это вызывает всё большее возмущение в мире, всё

больше протестов в самой Америке. Вот в США и подняли шум вокруг Чехословакии. Это нужно было политическим законам Америки и для того, чтобы замолчать произвол и беззаконие внутри страны. Что происходило на недавнем съезде демократической партии в Чикаго? Большинство депутатских мандатов ещё до съезда было роздано людям, удобным для администрации. И конечно же, съезд одобрил политику правительства во Вьетнаме, а кандидатом в президенты от демократической партии утвердил нынешнего вице-президента Хэмфри, сторонника войны. Американские избиратели оказались обманутыми. Кого же им теперь выбирать? Осталось всего два кандидата — республиканец Никсон и Хэмфри. И тот и другой — за войну.

По примеру своего заокеанского друга действуют экстремисты в Израиле и милитаристы в ФРГ. Пока их радиостанции плели всякий вздор о Чехословакии, Тель-Авив готовил новые провокации на границах с арабскими странами. Только что израильская артиллерия бомбардировала арабские города Суац, Исмаилию и Эль-Кантару. «Напряжённость на Ближнем Востоке — любимой ценой» — девиз израильских агрессоров. Но особенно разошёлся сейчас Бонн. Одно военное совещание за другим. Манёвры за манёврами. Недавно на воду сошёл ракетный эсминец «Лютцен», названный так в честь фашистского адмирала. Стрелка боннской политики указывает на войну, на реванш, на пересмотр границ. Своими действиями империалисты угрожают народам, но им стоило бы помнить, что у мира есть надёжные часовые. Это социалистические страны. Они сумеют помешать империалистическим планам. Телетайпы стучат и стучат, рассказывают о том, как живёт планета, как бьётся её пульс...

А. ГРИБАНОВ.

ГДЕ СЕГОДНЯ КОМСОМЛ

Вгляни на карту, туда, где раскинулась Сибирь. От земли древней Тувы до Ледовитого океана на две с лишним тысячи километров протянулся «Студенческий меридиан». Так называют свои строительные маршруты комсомольцы-студенты — вчерашние пионеры. У них есть своя карта. В тайге, в тундре, Саянских горах отмечены места работ студенческих строительных отрядов. На этой карте рядом с названиями институтов нарисованы тепловоз или автомобиль, плотина или высокоскоростной столб... Около десяти тысяч студентов — москвичей, красноярцев, ленинградцев, харьковчан, одеситов, пензенцев — второе лето трудятся бок о бок на сибирской земле. Таллах, Игарка, Канск, Ачинск, Абакан, Ужур, Шушенское... Строительстве железной дороги Шум — Кия — Шалтры, трассы под облаками Абаза — Ак — Довурак, плотина Красноярской ГЭС — вот неполная география грудного комсомольского лета.

ТВОИ РЕБЯТА, ТРАССА!

ОРЬ! качаются вниз. Уверенно тархтит самолёт. Он летит туда, где фиолетовые хребты с белыми прожилками снега. Тень от самолётки начинает расти, и полёк, приотышавший у подножия, протягивает ему ладонь аэродрома. Абаза. Здесь начало дороги. Сюда пришёл эшелон со студентами-москвичами. Грузовик вырывается на асфальт. Вот она, трасса! Натужно учрчт «ЗИЛ». Курумы... Это загадочное слово дразнило меня ещё в Красноярске. 138-й километр. Отряд Кости Акмаева устанавливает трубы. Глыбы когда-то разрушенной скалы мешают строителям. Выход один — взорвать. Пока взрывники деловито и аккуратно начинают свою работу, Костя показывает КУРУМЫ — высоченные скалы, сквозь которые просачивается вода. Чтобы не размывало дорогу, воду надо загнать в трубы. Потом мы шли с Валерой Логинковым по самому сложному участку, где и трассы-то

никакой нет, только проехал бульдозер. Лагерь на 110-м километре. Высоте над уровнем моря — 1700, а бригады работают ещё на километр выше. На перевале ребята играют в снежки. Мы сидим на крыльце барака, в котором живёт отряд 76-го километра. Бригадир Саша Кузнецов вспоминает прошлый год. Саяны: — Тогда работали на сотню километров. Два месяца прожили в горах и не успевали любоваться. Одно было плохо: часто шли дожди. Забыли, что такое сухие ботинки, ватники. Но с трассы мы ни разу не ушли, только, когда град начинал колосматить, прятались в трубу, а там ветер продрал до костей. В 1969 году по трассе должны пройти первые автомашины. А. ГРАМОЛИН. Трасса Абаза — Ак — Довурак.

КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ

ЧТО ТАКОЕ Игарка? Как небольшой пароход, пришвартовалась она к тундре и ждёт своего ветра, чтобы поплыть в океан вслед за судами. Игарка — первая любовь «Заполярного» отряда Красноярского института цветных металлов. О ней говорят и мечтают в студенческих аудиториях. Капитан иностранного судна смотрел, как работают стивидоры. Стивидор — это грузчик. Эти молодые русские парни грузят уже двенадцать часов без перерыва. Капитан знал много портов и много стивидоров. Но ка-

питан не понимал, почему русские студенты так стараются. Ведь не из их кармана пойдёт валюта, если простоят корабль... Нет, капитан никогда не видел такого. Утром судно прошлось гудком со стивидорами. Уходили суда, нагруженные досрочно, с отличной оценкой, увозили в Англию, Испанию, Норвегию, на Кубу молзу о русских студентах. А они после трудового рабочего дня до глубокой ночи готовились к предстоящему концерту. М. ТРОИЦКАЯ.

СТРАННЫЙ ГРУЗ ПРИБЫЛ В ГОРОД

был в городок Паседена в зелёной калифорнийской долине. Добро бы ещё какая-нибудь особенная почва для непризнанных растений... Нет, в вагонах был лишенный культурного слоя — гумуса — грубый грунт вперемешку с каменными обломками. Н удивленно железнодорожников, эту «бесплодную» землю привезли кораблём из-за океана и направили в лабораторию реактивного движения — носимического учреждения, известного данено за пределами Паседены. В том, что на Марсе нет разумных обитателей, те-

перь убеждены все. Нет там, по-видимому, и никаких крупных животных. Ну а вот растения, простейшие микроорганизмы, водоросли? Конечно, мы пока точно не знаем, какова обстановка на Марсе. Но многое говорит о том, что самым подходящим для сравнения районом у нас на Земле нам раз являются те непокрытые ледяным панцирем ан-

тарктические оазисы, где были взяты образцы грунта. Оазисы крепко проморозены, их продувают ураганные ветры, они безводны, испытывают резкие колебания температуры. Всё это как раз и возможно на Марсе. В антарктическом грунте, пролежавшем год в холодильнике, уже через пару недель после оттаивания при комнатной темпе-

Б. И. СИЛКИН, научный сотрудник Комитета АН СССР.

ШКОЛА-ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЬ-РАБОЧИЙ КЛАСС

СТОЯТ НА ПРИКОЛЕ

старые теплоходы. Они оживают нарядное лето: в каютах поселяются студенты. По утрам автобусы развозят их на объекты: на Красноярскую ГЭС, в Овсянну, в тайгу. Будущий судоподъёмник — это рука Гудливера с лодкой на ладони. С его помощью суда станут переноситься через стометровую плотину. Такого подъёмника ещё не было в стране. Да и за границей их только начали строить. На сооружении судоподъёмника работали парни с электротехнического факультета: Вася Якименко, Коля Дементьев, Лёша Журавлёв, Лёня Герасимов и другие. Вася работает на верхней площадке воднозаслончатой стены. Он надевает каску и по лестнице из металлического каната поднимается вверх. 246,4 метра над уровнем моря! Якименко нравится на высоте. Вся плотина на виду. А вдали, на другом берегу, башенные краны, словно жирафы, бредут по

ВСЯ ПЛОТИНА НА ВИДУ...

...Коля Дементьев и его зveno «берут» сналу. С самого утра они опуснаются в карьер, долбят, выгребают намень. Некоторые раздумывают: стоит ли ехать в Сибирь, чтобы работать лопатой? Стоит, если кроме своей лопаты сумеет увидеть ещё и кипящий Енисей, блеск сварки, коти башенного крана, упавшие почти с неба, будущий судоподъёмник — тот, какого до сих пор ещё не было. В. КУКАРЦЕВА.

МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ

ВОЛОДЬКА Кондратович живёт в Дивногорске, окончил девятый класс. Летом были у него каникулы — так считали учителя. А на самом деле три-четыре часа ежедневно он проводил в школе рабочей молодёжи. Ребята из нашего отряда открыли курсы для поступающих в институт. Первый раз пришло шесть человек. Потом шестнадцать. И среди них Володька. В этом году ему ещё не поступать. Просто он хочет знать больше. И кто знает, может быть, в будущем году мы встретим его в аудиториях нашего института. Г. КУХТЕНКОВА, отряд МЭИ.

Скоро исчезнет в борбе Балашихе последний пустырь. Здесь будет сквер. Это подарок пионеров 12-й школы юбилею комсомола. Фото В. ГУСЕВА.

ОЧЕНЬ это обидное слово — «ябеда».

И приклевается оно к человеку, как левенякая марка к конверту. Не отговоришь! — За что? Почему ябеда? — горевал один мальчик по имени Игорь, которого одноклассники окрестили этим прозвищем. И в самом деле, почему? Шёл Игорь по улице. Видит: мальчишка из третьего класса вырвал портфель у девочки и под хохот своего друга принялся вытряхивать из него содержимое. Игорь спрятался за дерево и из своего укрытия добросовестно наблюдал, как выскочил «поединок», как девочка плача вылаивала из лужи тетради. А утром обстоятельно доложил о случившемся на совете отряда. А ребята его за это — ябеда... Учился в моём классе Саша Петунов. Трудный это человек. В четвёртом классе Саша несколько раз убежал из

дому, учителям грубия, с ребятами вёл себя вызывающе, во дворе прослыл первым драчуном. — Ты это брось, — забормотал он и закашлялся. — Причём тут мать?.. — Саша помолчал и добавил: — Она у меня большая... Одважды после уроков Пина Матвеева (она живёт в одном дворе с Петуновым) увидела, что Саша стоит в подворотне и дымит папиросой. — Ты что! — подбежала к нему маленькая Пина. — В своём уме? — Подумаешь, — ухмыльнулся Саша и полез в карман. — А это выдала? У меня тут целая пачка. Пина вырвала у Петунова папиросы, распотала их. Здоревенный не по летам Саша ошенил. — Завтра всё расскажу в

Дом, в котором мы живём

ВОТ ЛИСТАЕМ мы сейчас наш дневник и удивляемся: как быстро промелькнуло лето! Словно вчера обуяла летний план. Мы — это совет дворового пионерского клуба «Восход». С чего у нас началось лето? С турнира! Целый день возлился, пока выжили стойки для него. Потом красная скамейка, беседку и белую нашу тополиную аллею. В этой аллее у нас шесть топей посажены в память о героях-молодогвардейцах. Если пройти по ней мимо спортивной площадки и теннисных столов через двор, то выйдешь на улицу Ленина. А в конце улицы — заводские корпуса, трубы. Это Череповецкий металлургический. Оттуда, из листопротанного цеха, приехал к нам наши друзья комсомольцы.

ОДИН из самых солнечных июньских дней в нашем дворе раздалась команда: «По рюкзакам!» И мы с Жорой Трапезниковым, комсомольцем из листопротанного, двинулись в поход «за туманом и за запахом тайги!» Это было первое серьёзное испытание. На привалах Жора спрашивал: «Главную заповедь ты запомнил? И ты откликнулся: «Ни дня, ни ночью, ни в дождь, ни в жару не хныкать!» На пути попалось болото — прощай. Три речушки попались — переправлялись. Костёр одной спичкой нужно было разжечь, палатки разбить... Умели! У костра Жора нам про завод рассказывал, про свой цех и про ребят из цеха... И вдруг вспомнил Юру Безобразова, тоже из листопротанного. Он уже целый год в Болгарии на металлургическом заводе помогает устанавливать оборудование. До отъезда Юра тоже к нам приходил. «Интересно, — сказал Жора, — что сейчас он там делает?» И мы давай гадать: «Удаётся по городу после работы! Или, может, в кино сядет!» А Жора говорит задумчиво: «Скорее всего он на заводе допоздна задерживается... Оборудование-то сложное». Возвращаемся мы из похода, а нас письмо ждёт. От Юры! Пшет он о своих новых друзьях, о болгарских школьниках. И в конце письма спрашивает: «Как вы там сейчас? В поход ходили?» Мы тут же стали писать ему ответ. И конечно, похвастались: наши баскетболисты на городских соревнованиях заняли первое место! У них редактор стенгазеты «Игла» Надя Войцева решила взять интервью для дневника. Вот оно: «Баскетболисты мы застали на спортплощадке. Наши спортивные звёзды носились с мячом как утюжки. Р-раз! И мяч в кольцо. Ешё р-раз! И мяч. «Раз на раз не приходится», — скромно сказал нам Витя Паншина». А однажды вечером все скамейки возле нашей площадки оказались переполненными. Многие пришли со своими стульями. Все торжественные — праздник! Мы его назвали: «Дом, в котором мы живём». Мы ближе узнали своих соседей. Оказывались, Кузнецов Николай Константинович поочастливости встретился с Владимиром Ильичём Лениным. Когда он рассказывал об этой встрече, мы и смотрели-то на него другими глазами. Немало оказалось и участников войны, и ударников коммунистического труда. Есть и Герой Социалистического Труда. Это было для нас настоящим открытием. Сколько, оказывается, интересных людей в доме, в котором мы живём! ПРОШЛО лето. И вот недавно собрались мы во дворе, в своей беседке. Стали опять свои дела планировать. Решили создать при совете клуба «Пост проверки домашних заданий». Потом решили выступить с концертом у друзей из листопротанного цеха. Концерт не простой, а юбилейный: с комсомольскими песнями, со стихами и сценками. И конечно, нужно осеннюю дворовую спортивную площадку провести. И устроить устный выпуск стенгазеты «Игла»... У нас так всегда: сойдёмся в беседке и давай придумывать интересное. Недаром наш Жора говорит, что одна голова хорошо, а пятьдесят лучше... Совет дворового клуба «Восход».

г. Череповец, ул. Ленина, дома №№ 104, 106-6, 108-6, ул. Вульварная, д. № 43.

Он представил кратко: Сергея. Учится в Шушенской средней школе. На стройке не впервые: работал со студентами в прошлом году. Теперь у Сергея Парашкова новые друзья — из Харькова. Фото Р. МЕРСОНА.

ОНИ ЗАВИДОВАЛИ

тем, кто сражался за революцию, возводил Магнитку и Братск, поднимал целину и покорял космос. Вот наступил и их черёд. Край, который по достоинству может называться бескрайним, безмерно богатым, осязаемым именем Ильича, принял десятилетиями студенческий отряд... Говорит о сегодняшних стройках Сибири — значит говорить о будущем. И комсомольцы строят это будущее. Это право заслужено доверием: полувекковым — к комсомольскому званию, десятилетним — к комсомольской путёвке бойца студенческого строительного отряда. Их школой стала жизнь, классом — стройка, учителем — рабочий класс. Материалы подготовили корреспонденты газеты «Студенческий меридиан».

ДЕЛЬФИНИЙ МЫС

Одик поднялся ещё выше. Верх калитки в острых прутьях — не перевалялся на животе. Вот он на самом верху. Отдышался. Перекинул ногу через стволы. Руки напряжены. Как стальное. Нога ловит перекладку по другую сторону калитки. Больно — нога боится. Вот пальцы нацупали что-то, оперлись. Одик заносит вторую ногу. Опёрся. Но что-то мешает, держит. Точно кто-то со двора схватил его и не пускает.

Одик дёрнулся всем телом — раздался треск рубящих. Выбился из брюк. Черт с ней! Он полез вниз. Спрыгнул, огляделся. Ни души. Темно и жутко. Наверное, ребята решили проникнуть в сад с другой стороны. Одик помчался к автостраде. Встречались редкие парочки, и больше никого.

Тогда Одик вернулся и побежал по Тенистой улице к морю — пусто. Где же ребята? Одик побежал назад и здесь на кого-то налетел. Он вскрикнул и отскочил. Было очень темно. И эта сплошная чернота вдруг наполнилась шевелящимися силуэтами.

— Кто здесь? — спросил чей-то голос.

Одик так испугался, что не мог шевельнуть губами. Он хотел броситься к морю, но и сади и спереди возникли смутные силуэты.

— Так это я, Одык! — тихо ахнула вдруг темнота голосом Катрана. — Ты что тут делаешь в такое время?

— Ребята, вы? — вскрикнул Одик. — А я иду вас!

— Что такое? — спросил из темноты Толли.

— Не ходите сегодня, — громко зашептал Одик. — Вас ждут, весь сад полон людей. Карпов позвал...

— Врёшь? — бросил Катран.

— Честное слово! — крикнул Одик.

— Тыше ты! — сказал чей-то вкрадчивый, до дрожи знакомый голос.

— А Илька здесь? — спросил Одик.

— А где ж мне ещё быть? — бодро прозвучало вьюмах. — Ну раз так, раз у него такие точные сведения, придётся отменить атаку...

— А как ты вышел из дому? — поинтересовался Катран. — Они ведь все ходы-выходы перекрыли.

Через калитку. Еле перелез... Не знаю, как вернулся назад.

— Бедняжка, — со вздохом проговорил Илька. — Идём, мы тебе покажем не-

сколько секретных лазов.

Они пошли по Тенистой улице. И когда Одик, подобрыв живот, с силой втиснулся в узкое отверстие под оградой, Катран негромко сказал ему вслепую:

— Приходи завтра в десять ноль-ноль к Дельфиньему.

Спал Одик плохо, а может, вообще не спал. Он слышал, как далеко за полночь с тихим говором расходились люди Карпова, как с восходом солнца зашумела водой Шелаяга, как залыгала пологие садовыми ножницами, а ещё позже покрикивал на индюков Виталик.

Одик лежал, и слушал, и думал. Он был уверен; их предал Илька. Он предатель. Карпов угорюлил его устроить ловушку для ребят, и он чуть не устроил её. Теперь ясно, почему он подлизывался к нему у моря, и предлагал свои услуги, и почему сегодня держался так бравво. Илька боялся Одика. Он не случайно хотел узнать, слышал ли Одик, как он продавал Карпову.

Всё утро у Одика ушло на то, чтобы опять незаметно соединить провода, иначе Карпов догадался бы, чья это работа.

К морю Одик пришёл на полчаса раньше условленного. Он сидел на камне и терпеливо ждал мальчишек.

Кричали чайки, волнистая линия бурых водорослей у прибойной полосы уходила вдаль. Было неуютно. И очень тревожно. Изуродованный каменый сарай на пусьбре, заросшем кустами и репейником, казалось, таил в себе неразгаданную мрачную тайну.

Одик поёжился и отвернулся от сарая. И сразу увидел мальчишек: они шли сюда, и спереди — Катран. Он катил перед собой камеру. И Одик подумал, и ему стало горько и тяжело от этой мысли: а что было бы, если б он вынул её тогда из сарая Ильку? Может, он и не стал бы предателем и остался обыкновенным мальчишкой...

Вряд ли... Он и тогда уже был неприятным — заносчивым, завистливым. Пусть ребята узнают, какой он.

— Привет! — крикнул ещё издали Катран и махнул рукой. — Лови! — и пустил камеру на Одика.

Одик вскрикнул, выставил вперед руки, чтоб поймать, но камера ударила его, и Одик чуть не упал.

(Продолжение следует)

БОЛГАРСКИЙ ДАНКО

Иван подошёл к маленькому дому на окраине Коприштицы, постучал. За дверью раздались шаги.

— Кто там?

— Вам привет от Стефана.

— Давненько не были. Проходи...

— Стефан просил три мешка муки.

— По нашим временам это трудно, но я попробую. Ты посиди, я сбегая к одному человеку.

Гойчев вышел. Щёлкнул ключ в замке. Это насторожило Ивана. Он открыл окно, прислушался. Тихо. Иван спрыгнул в сад. И сразу услышал тяжёлые шаги. Показались полиция. Их вёл Гойчев.

Утром 23 марта 1944 года партизаны вошли в Коприштицу. Предателей, в том числе и Гойчева, расстреляли. А к вечеру партизанам пришлось покинуть город. На улицы Коприштицы ворвались карательные фашистские отряды, присланные из Софии. Озерешние, они хватали жителей города. Ивана Кривиралчева ночью вызвали на допрос.

— Где партизаны? — допытывался офицер. — Кто расклеивал листовки?

— Я ничего не скажу. Пока бьётся моё сердце, я буду вас ненавидеть!

Сильный удар свалил Ивана на пол.

...Из ворот тюрьмы выехала машина: Иван везли на казнь. Когда машина остановилась, юный подполщик посмотрел в ту сторону, где виднелись окраины Коприштицы, его родного города, в котором он прожил ровно шестнадцать лет. Три дня назад у него был день рождения.

— Послушай, шенок! У тебя есть ещё время одуматься! Скажешь, где партизаны, — будешь жить.

Иван молчал.

— Вырвать ему язык! — приказал офицер.

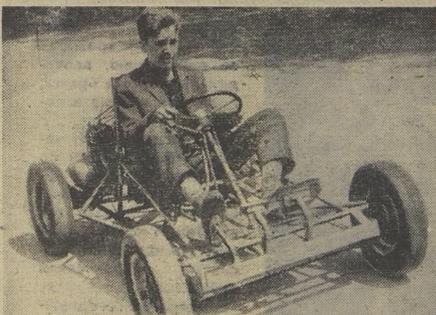
Иван застал от боли. Поднял вверх правую руку, сжатую в кулак.

— Ты хвастался вчера, — орал офицер, — что у тебя бьётся сердце...

Он что-то сказал полицаям. Те набросились на мальчика, свали с него одежду.

Сердце Ивана продолжало биться и в руках палача. Это было сердце болгарского Данко, не пожалевшего жизни ради свободы Болгарии.

А. ПЕТРУХИН.

Хорош карт? Испытать машину доверили Саше Токарию. Этот карт самый первый у ребят Винницкой области. Его конструкторы и строители — члены мотоциклетного кружка Дворян пионеров имени Героя Советского Союза Ляли Радушиной.

Фото Ф. МАШНИНА.

ОТВЕТЫ

(См. «Пионерскую правду» № 45 от 7 июня, № 49 от 21 июля и № 69 от 30 августа).

РЕБУС. Народная пословица: «Наука и труд дивные искорки дают».

РЕБУС-ЗАДАЧКА. На пяти проводах отдыхает стая птах (Hops).

ГОЛОВОЛОМКА. Умный товарищ — половина дороги.

Первыми правильно ответили: ТАРАСОВА Нада и ДЕНИСОВА Рая (Рязанская область, ст. Назаровка); РУСЕВ Георгий и МАРИНОВ Илька (Молдавская ССР, г. Чадыр-Лунга); ЗАХАРОВА Людя (Чувашская АССР, г. Чебоксары); ИВАНИЦЕВ Виктор (Таджикская АССР, г. Душанбе).

Мама хлопотала на террасе с ужином, а Оля рисовала цветными карандашами. Неожиданно Одик заметил, как от сарая в дом прошёл Карпов с двумя бутылками «Столичной» — по бутылке в руке. Скоро из-за стены донеслись громкие голоса и смех. Гости долго не расходились. Одик сидел на ступеньках террасы, смотрел на звёзды и слушал голоса. Одик был начеку. Через полчаса должна быть атака на твёрдыню Карпова. Если, конечно, Вася не сорвал.

— Одик, спать! — сказала мама.

— Ну ещё немножко, мам...

Через несколько минут все в их комнате спали. Только у Карповых ещё продолжался негромкий разговор. Одик поднялся на террасу и присел на табурет. Отвернув угол марлевой занавески, стал смотреть на двор, на тёмные плодовые деревья и редкие проблески луного моря меж густой листвы.

Всё, что он увидел потом, сильно встряхнуло его: по двору вдруг появились тёмные силуэты. Карпов беззвучно, как в немом кино, показывал руками то одному, то другому человеку в разные стороны, и силуэты удалялись в отдалённые углы участка. Расходился они таинственно, слегка пригнувшись.

Вдруг Одик прошёл лёгкий пот. Он всё понял. Они, эти люди, пришли сюда, чтоб поймать мальчишек. Они обо всем знают, их предатели! Не случайно пришли они в этот день.

Одик на цыпочках прошёл в комнату. Часы показывали пять минут первого. Скоро начнётся атака. И конечно, всех переловят. Всех! И даже не поможет то, что он перерезал провода.

Одик снова вышел на террасу. Сердце у него колотилось.

Но что он может сделать ещё? Как помочь ребятам? Искно: их надо предостеречь, но как? А что, если незаметно выскользнуть из дома и перехватить ребят на подступах к участку? Но ведь его услышат люди Карпова, и потом калитка может звякнуть. Да и нельзя через калитку: на ночь она запирается на замок... Как же быть?

Голова Одика горела. И всё-таки надо через калитку. Она не находится под наблюдением: какой же дурак полезет в сад прямо через неё? Ему надо перебраться именно здесь.

Кто же всё-таки предупредил Карпова? Он. Конечно, он...

Больше раздумывать было некогда. Одик скинул саидали, на цыпочках сошёл по ступенькам и скользнул в тёмно-зелёный туннель, ведущий к калитке.

Он почти не дышал. Люб его был холодно. Вот и калитка. Она высокая. Одик поставил ногу на перекладку, приподнялся — калитка скрипнула. Он замер. Поднял вторую ногу и ещё приподнялся.

Ночь была тихая и тёплая. И звёздная. Где-то с надрымом трещали цикады. Пролетела по автостраде машина, и снова всё затихло.

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 60—70, 72.